

В седьмой день седьмого месяца спустя тринадцать лет после подписания Шанцзыского договора между Чэнь и Силян вновь вспыхнула война.

Битва в ночь на седьмое седьмого была подобна вспышке молнии, прочертившей ночное небо, — она длилась меньше суток.

Прежде чем весть о сражении достигла дворов Ляо, Юань и Чэнь, армия Силян уже отступила и бежала, поджав хвост.

В седьмой день седьмого месяца в битве при Тунгуань, считая тех, кто находился в Циньлине, и тех, кто вошел в город, погибло в общей сложности семнадцать тысяч силянских воинов, а тринадцать тысяч попали в плен.

На следующий день Хэлянь Да отправил срочную депешу с просьбой отозвать регулярную армию и конницу, замаскированную под конных разбойников, и, собрав свои разрозненные и израненные силы, отступил на тридцать ли.

В ту же ночь Бянь Линбай умер от страшной болезни.

В предрассветные часы следующего утра в Тунгуань прибыл вновь назначенный императорский посланник, чтобы реорганизовать армию и принять на себя военное руководство Бянь Линбая.

— Еще до того, как я отправился в путь, канцлер Му уже сказал мне, что вы обладаете превосходной ясностью мышления и работаете чрезвычайно организованно — что вы способны просчитывать свои действия со всех сторон. Теперь, когда я познакомился с вами, кажется, это действительно так. Невозможно не выразить восторг по поводу того, что подрастающее поколение — те, с кем действительно стоит считаться.

Чжэн Ли было уже за шестьдесят, и у него была седая борода. Когда дед Дуань Лина был еще жив, этот старик вел армию Южной Чэнь в одну битву за другой за пределами их границ. Его отставка и контроль над Тунгуань — лучший выбор, который они могли сделать.

Почувствовав себя неловко от похвалы, Дуань Лин произнес:

— Вы мне льстите. Это счастье, что мастер Фэй и У Ду оказались здесь.

Стоя перед Чжэн Ли, Дуань Лину не оставалось ничего другого, кроме как смириться. Несмотря на то, что именно он содействовал установлению нынешней обстановки в Тунгуань, при выполнении своей миссии он совершил множество ошибок и дважды едва не погиб. Если бы у него не было У Ду, он бы вообще ничего не достиг.

Чжэн Ли немного реорганизовал военную структуру Тунгуань, оставив на своих местах вице-

генералов Ван и Се. Дуань Лин знал, что Чжэн Ли собирается в ближайшее время использовать Се Хао, и ему не придется напоминать ему, кто из этих людей подходит для этой задачи.

Хотя его роль в Тунгуань была окончена, Дуань Лину еще предстоит навести порядок. Он попрощался с Чжэн Ли и сразу же отправился в обратный путь в Сычуань.

— Я видел тебя раньше. Семь лет назад, в аптеке в Шанцзине.

У Ду наконец вспомнил.

Ночью, седьмого числа, Дуань Лин наконец сказал ему:

— Да, это был я. Ты даже напугал меня Золотой вороной.

— Но ты... — У Ду не мог понять, в чем дело. Сцены прошлого нахлынули на него, накладываясь друг на друга.

После осенних ливней небо Тунгуань приобрело свежевывмытый голубой цвет. Карета снова отправилась в путь, на этот раз на юг, и снова ее вел глухонемой кучер, а У Ду и Дуань Лин сидели внутри.

Когда они въехали на гору Ба и оставили позади Циньлин, Дуань Лин велел кучеру остановить карету на обочине дороги, слева и справа от которой росли клены. Дуань Лин помог У Ду выйти из повозки, чтобы немного передохнуть в кленовом лесу, и набрал ведро воды, чтобы нанести на У Ду свежую мазь.

На заднем плане возвышался огненно-красный кленовый лес. В бою У Ду повредил ладонь, а также вывихнул лодыжку. Он вышел из кареты, сел на большой камень и оперся голый правой ногой о небольшой складной табурет.

Дуань Лин смешал мазь и помог ему наложить свежую повязку, сначала снимая отек со ступни, а затем развязывая бинты на левой руке У Ду, чтобы нанести мазь, останавливающую кровотечение и помогающую коже срастись.

— Рана на руке полностью заживет примерно через месяц, — сказал Дуань Лин У Ду, — если только в нее не попадет инфекция. А вот на лодыжку уйдет больше времени. Сухожилиям и костям на заживление потребуется сто дней. Будь осторожен в ближайшее время.

У Ду не отрываясь смотрел на Дуань Лина.

— Ничего страшного.

— Твое искусство легкости превосходно. Мы должны убедиться, что ты не получишь необратимую травму.

— Что ты собирался мне тогда сказать? Ты все тянул с этим, но теперь, раз рядом никого нет, ты же можешь наконец рассказать мне, верно?

Дуань Лин улыбнулся.

— Когда мы были в пещере в тот день, ты тоже сказал, что тебе есть что мне рассказать. Что именно?

В ночь битвы, прежде чем они успели закончить разговор, их прервало отступление тангутских войск, и дальше все понеслось по накатанной. Последние два дня У Ду ломал голову над тем, почему Дуань Лин появился в аптеке Шанцзина семь лет назад в ту снежную ночь, но все безуспешно.

А ведь Дуань Лин как-то рассказывал, что его отец торговал лекарствами, так может, он и был хозяином аптеки?

— Позволь мне сначала задать тебе вопрос. Почему я тогда увидел тебя там? — нахмурившись, спросил У Ду. — Разве ты не из Сюньбэя?

— Это судьба, понимаешь? — ответил Дуань Лин. — Обстоятельства нашей встречи были предначертаны еще тогда.

Дуань Лин осторожно нанес мазь на руку У Ду.

У Ду неловко смотрел на море кленовых деревьев, покрывающих холмы; вокруг них на землю падали красные листья.

— Судьба? Я... Я дал обет своей секте. Я никогда не смогу жениться и завести семью. Мне даже нельзя строить карьеру.

— Как так?

— Все убийцы такие. Если у тебя есть семья или любимый человек, значит, у тебя есть слабость. Ты убиваешь врага, и, если его потомки захотят отомстить, они убьют твою жену и детей и подожгут твой дом. Тот, кто зарабатывает на жизнь убийствами... какие у него могут быть перспективы?

— А как же твой учитель и его жена? Разве они не поженились?

— Официально они не женились. У нее не было формального статуса, но для меня она была женой моего учителя. Когда Шанцзы пал и мой учитель погиб в бою, она покончила с собой, чтобы отправиться вслед за ним. Именно тогда пропали сияющие доспехи, которые сейчас носишь ты. Даже руководство по мечу царства попало в руки Чжао Куя, когда он прибыл в качестве подкрепления.

— Значит, ты работал на Чжао Куя только потому, что хотел найти его, так?

У Ду кивнул.

— Чжао Куй знал, что я уйду, если найду его, и поэтому спрятал его.

— И что ты планировал делать, как только найдешь его? Собирался восстановить свою секту боевых искусств?

— Секта уже с незапамятных времен находилась в упадке, первоначальные идеалы, которые передавались по наследству, уже давно расходятся с тем, кем мы являемся на самом деле, и Чжэньшаньхэ тоже больше нет. Но у Зала Белого Тигра осталось последнее обязательство — защищать правителя в смутные времена.

— Но... правитель не нуждается в моей защите. Наследный принц хочет завербовать меня, но я знаю, что ему нужен послушный убийца, а не ученик Белого Тигра. Когда все будет сказано и сделано, я уже буду ему не нужен.

А вот мне ты нужен, подумал Дуань Лин. Я нуждаюсь в тебе.

У Ду сказал:

— Будь то Чжао Куй, канцлер Му или даже наследный принц... кроме покойного императора, все хотят получить клинок мясника. Не то чтобы кто-то в этом виноват: все кругом убивают друг друга, когда в мире нет покоя.

Дуань Лин несколько раз замешкался, и У Ду понял, что тот пытался найти слова, чтобы утешить его. Вместо этого он похлопал Дуань Лина по плечу.

— А что насчет тебя, Шань-эр? Какие у тебя планы? Я знаю, что ты хочешь прославиться. В этом году тебе исполнится шестнадцать. Если ты все время будешь оставаться со мной, это только будет сдерживать тебя.

— Ч-что? — Дуань Лину вдруг стало смешно это слышать, но в то же время он почувствовал, как на сердце потеплело.

— Все так, как ты сказал. Семь лет назад я отправился в Шанцзин, чтобы выполнить задание, и встреча с тобой стала судьбоносной. Небеса направили тебя на мою сторону, так что, возможно, тот же самый рок до сих пор движет нитями судьбы.

Услышав эти слова, Дуань Лин не смог сдержать нахлынувших эмоций: неужели это судьба? Может быть, с самого его рождения все было предначертано — он должен был стать наследным принцем Южной Чэнь, сыном Ли Цзяньхуна, и однажды его должны были привезти в Шанцзин, и в тот самый день он должен был встретить У Ду.

— Я не собираюсь жениться, но ты другой. Ты не сможешь оставаться со мной до конца жизни. Когда мы вернемся домой, подумай об этом. Тебе всего шестнадцать, и тебя в будущем ждут большие перспективы...

— Естественно, я останусь с тобой до конца жизни.

Дуань Лин закончил обматывать руку У Ду бинтом и аккуратно завязал его.

— Я тоже не хочу жениться, но вот с карьерой все должно быть в порядке.

— Если ты... — словно предвидя такой ответ Дуань Лина, добавил он, — останешься со мной без официального статуса, кем ты будешь? Моим слугой до конца своих дней? А как же твой результат на экзаменах? Разве ты не хотел добиться высот?

— Я имел в виду, как твой учитель и его жена.

Все лицо У Ду внезапно покраснело, и Дуань Лин тоже только сейчас понял, что его слова казались немного странными.

Кленовый лист слетел вниз и тихонько приземлился на кучу опавшей листвы, издавая легкий шелест.

У Ду смотрел на Дуань Лина.

— Тогда... почему бы тебе просто... просто...

— Что просто? — промолвил Дуань Лин.

У Ду, немного подумав, взмахнул рукой.

— Неважно, неважно — я просто так сказал.

Дуань Лин был в полном недоумении.

У Ду добавил:

— Тебе повезло, что ты не попал к Чжэн Яню. Ну что ж... давай пока оставим все как есть.

— Чжэн Янь? При чем тут Чжэн Янь?

— Не при чем, — снова отмахнулся У Ду. — Пойдем обратно.

— Подожди. Я хочу сказать тебе кое-что еще.

У Ду вопросительно посмотрел на него.

Взяв его за руку, Дуань Лин некоторое время сидел молча, погружившись в свои мысли, и вдруг до него дошло, что именно У Ду сказал ранее. Они никогда раньше не говорили об этом — хотя для Му Куанды и всех остальных этот юноша, появившийся из ниоткуда, являлся сыном друга У Ду, они оба прекрасно понимали, кто они такие. У Ду знал, что Дуань Лин лишь временно укрывается под его защитой и, возможно, уйдет, поэтому у них и состоялся этот разговор.

Услышав слова Дуань Лина, У Ду очень обрадовался: его доброта была отплачена добром.

— Смерть отца — самое печальное, что со мной случилось, — произнес Дуань Лин и сел на тот же камень, взяв руку У Ду в свою.

Но тем временем У Ду сменил хватку и соединил их пальцы, не собираясь отпускать. Смутившись, он сказал Дуань Лину:

— Я буду хорошо к тебе относиться.

— Помнишь тот день, когда мы впервые встретились? — спросил Дуань Лин.

У Ду улыбнулся.

— Твой отец был хозяином Зала Процветания? Я помню, что ты держал в руках корень женьшеня. Он был нужен, чтобы беременная женщина не умерла.

— Это было для Улохоу Му. Он пострадал от твоего меча и чуть не умер.

У Ду замолчал, улыбка мгновенно исчезла, и он недоверчиво уставился на Дуань Лина.

— Чжу был первым человеком, которого я убил. По приказу отца Улохоу Му забрал меня из Шанцзы, а когда нашел, спрятал в Шанцзине. Ты возглавил Теневую стражу Чэнь, совершив дальний поход на север в поисках моего местонахождения. На следующий день после смерти Чжу ты даже пришел в школу, чтобы поискать меня, но ошибся и схватил Цай Яня.

— А потом... Я вырос в Шанцзине. Два года назад, весной, отец вернулся ко мне. Он научил меня всему, что, по твоему мнению, мне не полагается знать: как вести войска, как планировать битву, искусству легкости, прыжкам на высоту... Он обучил меня стрельбе из лука и даже Мечу царства.

Дуань Лин отпустил руку У Ду и поднялся на ноги.

— Смотри.

Дуань Лин сосредоточил свой разум и вспомнил Ладонь царства. Быстрым шагом он отправил в полет кленовые листья. У Ду все еще пребывал в состоянии крайнего шока, наблюдая за тем, как Дуань Лин пересекает море кроваво-красных кленов, с легкостью выполняя каждое движение, а затем притягивает ладони к себе и, повернувшись на бок, опускает их вниз. Он прошел весь набор движений от начала до конца.

— Некоторые части были неправильными, — немного нервничая, сказал Дуань Лин, — но в целом все было верно.

Какое-то время У Ду просто смотрел перед собой, не в силах вымолвить ни слова. Дуань Лин снова сел рядом с ним и слегка встряхнул его.

— Эй, У Ду, ты слушаешь?

— И... и что потом? — голос У Ду дрожал. Его разум совершенно опустел.

Дуань Лин взял его за руку и сцепил их пальцы, как прежде.

— А потом Шанцзин пал, отец так и не приехал, и я сбежал из города вместе с Цай Янем.

У Ду только сейчас уставился на Дуань Лина, потрясенный и совершенно сбитый с толку. Дуань Лин сказал:

— Не знаю, что случилось потом, но, во всяком случае, к тому времени, как я вернулся в Сычуань, все было так, как есть сейчас. Я не знаю, кто выдал себя за меня, но я потерял все. Лан Цзюнься... Улохоу Му отравил меня и бросил в реку. Может быть, я выплыл по течению, и там ты меня спас.

— Прости меня, У Ду. Я о многом тебе врал. Я не решался ничего сказать... Я боялся, что ты верен канцлеру Му...

У Ду споткнулся о камень и опустился на землю.

Дуань Лин выглядел озадаченным.

— Ты... Я знал это... Я думал, что что-то не так... — голос У Ду дрожал. — Это не он, а ты, настоящий наследный принц... Ты... ты...

Пострадавший У Ду упал на колени перед Дуань Лином.

— Вставай! — немедленно сказал Дуань Лин.

— Ваше Высочество, — задыхаясь, произнес У Ду, — это все из-за моей некомпетентности, я не смог уберечь покойного императора...

Дуань Лин тоже опустился на колени перед У Ду.

— Вставай уже!

— Сам вставай... — У Ду пытался заставить Дуань Лина встать.

— Ты вставай! — в голосе Дуань Лина слышалась паника.

У Ду внезапно обхватил Дуань Лина руками, настолько переполненный эмоциями, что не мог найти слов для описания своих чувств; все, чего он не мог понять раньше, теперь было объяснимо.

— Я не виню тебя. Я действительно не виню тебя. Ты ни в чем не виноват, и если ты считаешь, что виноват, то я прощу твои прегрешения от имени моего покойного отца. С этого момента ты больше не должен держать зла на себя.

У Ду обнял его так крепко и с такой силой, что Дуань Лин едва не почувствовал боль.

— Встань, У Ду.

Дуань Лин заставил его встать, и они долго смотрели друг другу в глаза: столько эмоций вырвалось наружу, но ни один из них не знал, с чего начать.

— Тебе не стоило мне говорить, — нахмурившись, обратился У Ду к Дуань Лину.

— Если я не могу рассказать даже тебе, значит, в мире нет никого, кому я мог бы доверять. Когда Хэлянь ходил в школу в Шанцзине, мы были одноклассниками, и даже он не знает, кто я на самом деле. Я больше не могу так жить. Иногда мне кажется, что я... мне кажется, что я схожу с ума.

Дуань Лин повернулся к У Ду со сведенными вместе бровями, испытывая грусть.

— Я понял. Ты... — вздохнул У Ду. — Я обязательно... Неважно. Сейчас бесполезно что-то говорить. Просто смотри на меня.

— Что? — Дуань Лин уставился на У Ду с выражением любопытства на лице.

— Нет, я имел в виду... Будем двигаться шаг за шагом и смотреть, я докажу, что никогда не предаю тебя.

— Я не сомневаюсь. — Дуань Лин улыбнулся, а затем снова сделал шаг вперед и обнял У Ду, склоняясь в его объятиях.

У Ду неловко застыл, неестественно напрягшись, его лицо залилось румянцем, а руки беспомощно замерли в воздухе.

— Не двигайся, — прошептал Дуань Лин. — Позволь мне немного обнять тебя, хорошо?

И вот У Ду сидел, как прежде, и позволял Дуань Лину обнимать себя. Дуань Лин чувствовал себя странно, ведь он давно не испытывал подобных ощущений; обычно ему нравилось спать, прижавшись к У Ду, но такого чувства еще не было — он наконец-то высказал все, что накопилось в его сердце, наконец-то нашел кого-то, с кем можно было разделить свою ношу.

У Ду сидел с отсутствующим взглядом на лице, подсознательно поднимая руку, чтобы обнять Дуань Лина за плечи.

Когда он обнимал У Ду, ему всегда казалось, что сердце висит в воздухе, но сейчас, и, возможно, с этого момента, его сердце приземлилось, как будто нашло место, где оно должно остаться.

У Ду молча смотрел на Дуань Лина. Его глаза были закрыты, а на ресницах мерцал закат.

У Ду до сих пор чудилось, что он погружен в сон. Заходящее солнце все еще светило на них, а кленовые листья продолжали падать вокруг, но все казалось ему каким-то другим.

— Как... Как твое настоящее имя?

— Ли Жо, — поднял голову и ответил Дуань Лин. — Дальний восток Фусан, дальний запад Жому. Но с этого момента, если никого не будет рядом, можешь звать меня просто Дуань Лин. Я не хочу забывать это имя.

Дуань Лин с опаской изучал лицо У Ду, но к этому моменту У Ду уже был полностью поражён. Поначалу Дуань Лин думал, что он смирился с этой реальностью, но, сказав еще пару слов, понял, что в голове У Ду уже все перепуталось — все свои ответы ранее он давал исключительно инстинктивно.

— Ты... ты клянешься, что не морочишь мне голову. Ван Шань, ты...

— Зачем мне морочить тебе голову? — Дуань Лин даже не знал, что ему ответить. — Думаешь, я буду так шутить со своей жизнью? Какая польза от того, что я выдаю себя за наследного принца? Разве я похож на человека, который хочет умереть?

У Ду полагал, что так оно и есть, но в один момент он подумал о том, что человек, с которым он всегда был рядом, превратился в кого-то другого, во второй — о том, что грехи, совершенные им против семьи Ли, наконец-то полностью были искуплены, а в третий — о том, что тот, кто сидит на придворном собрании, на самом деле самозванец! Словно все баночки со специями на кухне перевернулись, все чувства разом закрались в его сердце, а все слова, чтобы описать их, замерли на языке...

— Но независимо от того, наследный я принц или нет, — серьезно произнес Дуань Лин, — я все равно остаюсь собой. У Ду?

У Ду все еще был в замешательстве, и Дуань Лин не мог не находить все это довольно забавным. Он слегка подтолкнул его.

— Эй, У Ду.

Каждый раз, когда У Ду отвлекался, Дуань Лин возвращал его к реальности. Он повернулся и посмотрел на Дуань Лина, в его взгляде читалось недоумение.

— Пойдем, — сказал Дуань Лин. — Солнце скоро сядет.

Дуань Лин обнял У Ду за плечи, чтобы помочь ему идти, но тот тут же произнес:

— Я... я могу идти сам.

— Прекрати.

Дуань Лин с силой потянул У Ду за плечо и заставил его опереться на него, после чего они медленно спустились с холма.

В лучах заходящего солнца кленовый лес мерцал подобно сияющему морю; Дуань Лин понимал, что мир У Ду перевернулся с ног на голову и ему нужно время, чтобы привыкнуть. Он не мог давить на него по поводу других вещей, иначе У Ду еще больше запутается и окажется в полной растерянности.

Перед тем как сесть в карету, Дуань Лин погладил Вань Ли Бэнь Сяо и ласково потерся головой о его мордочку. Бэнь Сяо заскулил и придвинулся ближе, чтобы посмотреть на Дуань Лина.

Изумленный, У Ду уставился на Бэнь Сяо, и, наконец, все встало на свои места.

— Он знает меня, — тихо сказал Дуань Лин У Ду. — Смотри.

Дуань Лин сделал несколько шагов назад и свистнул в сторону Бэнь Сяо, как это делал его отец, и тот пошел прямо к нему. Затем он бегом отступил на несколько шагов, и Бэнь Сяо снова последовал за ним. Где же тот строптивый нрав, о котором все говорили? Дуань Лин положил руки на седло Бэнь Сяо и перекинул ногу, надежно устроившись на его спине.

— Поехали! — сказал Дуань Лин. — Если не поторопимся, то в конце концов уснем в дороге.

После того как они поднялись в карету, У Ду не решался сесть на одно место с Дуань Лином, и тот силой потащил его назад, пока они не разместились в кабине так же, как и в начале пути. Вроде бы все между ними было по-прежнему по тем же правилам, но в то же время казалось, что что-то уже было не совсем так, как раньше.

У Ду надолго замолчал, и Дуань Лин начал нервничать, не зная, какой реакции он дождется, а может, и вовсе не дождется. Его охватила тревога, но вместо этого он сказал У Ду:

— Я немного посплю. Разбуди меня, когда мы приедем.

— Конечно, — сразу же ответил У Ду, и как только их глаза встретились, тот отвел взгляд.

Он чувствовал себя крайне неловко; Дуань Лин ощущал, что изменение его статуса повергло У Ду в состояние шока.

Поэтому, откинувшись на ноги У Ду, Дуань Лин на мгновение задумался. Он решил, что, возможно, если он будет немного ближе, то сможет развеять это беспокойство, и поэтому он чуть-чуть приподнялся, чтобы лечь на колени У Ду. В одно мгновение тот полностью застыл.

— Ваше Высочество! — немедленно произнес У Ду.

— Ш-ш-ш... — Дуань Лин знал, что их старый кучер глухонемой, но что, если это все притворство?

Как раньше он лежал на коленях у Ли Цзяньхуна, так и сейчас он прислонился к У Ду, обняв его рукой за талию, словно тот был гигантской подушкой, и положил голову на его крепкую грудь.

На самом деле Дуань Лин не очень хотел спать, но он знал, что У Ду нужно время. Поэтому он закрыл глаза и притворился спящим, чтобы дать У Ду время подумать.

На протяжении всего пути царил тишина, и лишь изредка был слышен взмах кнута, которым кучер подгонял карету, да стук колес о неровности дороги.

Дуань Лин чувствовал, как У Ду сдвигается с места, очень осторожно, словно боится его разбудить.

Он взял руку Дуань Лина, лежащую на его плече, и положил ее себе на грудь, а затем осторожно натянул верхний халат, чтобы укрыть их обоих и прикрыть ладонь Дуань Лина.

Взошедшая луна освещала горные хребты, равнины и реки; на поверхности Янцзы сверкали серебряные искры, лунный свет скользил по ее глади, и в каждом блике отражался миллион мерцающих сказочных пейзажей.

Дуань Лин сначала только притворялся, что спит, но постепенно он понял, что дыхание У Ду выровнялось. Похоже, он действительно заснул.

У Ду видел, что их карета остановилась посреди величественного деревянного моста, и не знал, куда делся кучер. Серебристый лунный свет освещал все вокруг, но Дуань Лин по-прежнему лежал у него на коленях, и У Ду, обнимая Дуань Лина, выглядел таким же ошеломленным, как и прежде.

Кто-то зашел в карету, и, к его удивлению, это был Ли Цзяньхун. Он спросил У Ду:

— Мой сын заснул, да?

— Заснул, — искренне ответил У Ду.

— Я оставляю его в твоих руках. Позаботься о нем.

— У Ду? — Дуань Лин тряс У Ду, чтобы тот проснулся.

Карета остановилась, и горы Циньлин остались позади. Обратный путь в Сычуань был гораздо медленнее, чем в Тунгуань, и на первую ночь они остановились на перекрестке дорог, ведущих в столицу, и укрылись у реки.

На берегу был трактир. За мгновения после пробуждения У Ду словно забыл, что его мир подвергся изменениям, которые уже перевернули его с ног на голову.

— Мне приснился сон. — зевнул У Ду; его рука онемела от того, что Дуань Лин использовал ее в качестве подушки, и он похлопал по нему, давая знать, что пора вставать.

Когда Дуань Лин увидел, что У Ду, казалось, пришел в себя, он собрал их вещи, чтобы подготовиться к ночлегу в гостинице.

— Что тебе снилось? — спросил он.

— Мне снился покойный император... — в одно мгновение У Ду онемел. Теперь он вспомнил.

Они оба замолчали.

— Тебе снился мой отец?

— Он просил меня хорошо о тебе заботиться.

И снова У Ду осознал, что перед ним стоял настоящий наследный принц Южной Чэнь — несмотря на то, что его личность не была признана императорским двором, а кто-то другой выдавал себя за него, он был единственным наследником семьи Ли.

Как обычно, они остановились на постоялом дворе. Дуань Лин суетился вокруг У Ду, и тот был крайне обеспокоен таким обращением и несколько раз пытался встать, но его снова толкали вниз. Дуань Лин отвел Бэнь Сяо на задний двор, а затем приказал принести ужин в их комнату. Сидя друг напротив друга, они ели за низким столиком.

С бинтами, обмотанными вокруг левой руки, У Ду не мог держать миску. Палочки для еды он держал в правой руке.

Дуань Лин спросил:

— Тебя покормить?

— О нет, нет, — сразу же ответил У Ду, — Я могу есть сам.

Дуань Лин набрал палочками немного еды и отправил ее в рот У Ду. Выражение лица У Ду ясно говорило о том, что он совершенно утратил самообладание.

— Мы с тобой, — Дуань Лин на мгновение задумался, прежде чем продолжить, — давай будем вести себя так же, как всегда. У Ду, ты говорил мне, что я бессердечный, но у меня действительно не было другого выбора.

У Ду не сразу понял, насколько была велика ответственность Дуань Лина и насколько он рисковал, доверившись ему. Ведь если кто-то узнает, это может привести к катастрофе.

— Я позабочусь о твоей безопасности. Тебя больше не постигнет никакая опасность, и никто не причинит тебе вред.

Дуань Лин был очень тронут: он знал, что У Ду не предаст его, но никогда не думал, что тот будет так решителен и не оставит места для сомнений.

После еще одного короткого периода молчания У Ду обнаружил, что у него нет аппетита, и отложил палочки.

— Тогда... Какие у нас планы на будущее?

— С этого момента? — Дуань Лин сделал паузу, чтобы обдумать это, а затем произнес. — Это зависит от тебя. То, что я обещал тебе сегодня, остается в силе. Если ты не женишься, то с этого момента мы...

— Я имел в виду, — серьезно ответил У Ду, — как ты собираешься вернуться к императорскому двору?

— Ты встречался с наследным принцем? Мне нечем подтвердить свою личность. Я похож на свою мать, но не очень похож на отца. Как внешность наследного принца могла обмануть...

— Он точно ребенок семьи Цай.

Единственной загадкой, которая ускользала от У Ду всю его жизнь, была реакция Улохоу Му, когда он обратил свой меч на Цай Яня. И вот теперь на вопрос, над которым он ломал голову семь лет, наконец-то ответил Дуань Лин, причем в этот самый момент.

Таким образом, все, что раньше не имело смысла, теперь получило окончательный ответ.

— О, так это Цай Янь? Я так и знал.

Меланхолия и тоска нарастали внутри Дуань Лина, но он уже смутно чувствовал, что это был он, хотя бы потому, что ничего не слышал о Цай Яне с тех пор, как они сбежали из Шанцзина. В тот день, когда они ушли из деревни в горах Сянбэй, Цай Янь должен был благополучно сбежать. После этого Лан Цзюнься, возможно, тоже отправился на поиски Дуань Лина, пока не забрал с собой «наследного принца» ко двору Чэнь. Единственный человек, который мог выдать себя за Дуань Лина, — это Цай Янь, который уже встречался с Ли Цзяньхуном и учился у него Мечу царства.

У Ду нахмурился, и Дуань Лин добавил:

— Но на моего отца он тоже не похож.

— Узнаешь, когда увидишь его. Улохоу Му, должно быть, хирургическим путем изменил его внешность с помощью лекарственных трав и ножа. Его брови, уголки глаз и форма рта имеют некоторое сходство с покойным императором.

У Ду внимательно изучал черты лица Дуань Лина.

— Ты выглядишь гораздо симпатичнее него.

Но Дуань Лин думал о Цай Яне, поэтому в его сердце вспыхнуло раздражение, и он просто кивнул.

— Но интересно, узнает ли тебя четвертый принц... Нет, узнает ли Его Величество?

— Трудно сказать. Может, стоит рискнуть? Ты можешь отвести меня к нему?

У Ду кивнул.

— Получить аудиенцию несложно, если ты действительно этого хочешь, но ты должен продумать, что ты будешь говорить и делать, чтобы он поверил тебе, когда ты встретишься с ним. Когда этот самозванец прибыл в столицу, четвертый принц велел всем нам встретиться с ним по очереди. Я помню только, что видел этого плута в Прославленном зале, и благодаря совокупности этих ошибок согласился, что это он.

При этих словах У Ду охватили угрызения совести; складка между его бровей стала все глубже, и он сильно ударил по столу раненой рукой, чтобы выплеснуть свои чувства.

Чтобы его больше не мучила совесть, Дуань Лин сказал ему:

— Ты тут ни при чем! Как ты мог подумать, что кто-то может выдать себя за меня?

— Давай не будем торопиться и придумаем план, — сказал Дуань Лин.

У Ду кивнул и оперся о стол, пытаясь встать, чтобы помочь убраться. Дуань Лин сразу же заставил его сесть на кровать.

— Я все сделаю. Ты ранен.

У Ду наблюдал за Дуань Лином, и его взгляд следовал из одного конца комнаты в другой. Дуань Лин знал, что ему будет трудно принять эту реальность за короткий промежуток времени, и то, что У Ду так легко с ней смирился, немного удивляло его. Но У Ду не сомневался в нем — напротив, его интуиция была самой надежной вещью.

У Ду проработал под началом отца всего несколько дней. Сейчас он с большой осторожностью наблюдал за Дуань Лином, но сердце уже не сомневалось, что это правда.

Дуань Лин закончил уборку и лег на кровать, как обычно, рядом с У Ду. Он выглядел очень взволнованным, когда натянул одеяло на них двоих.

У Ду был так встревожен, что уже подпрыгивал от каждой мелочи; он вдруг уставился на Дуань Лина, словно раздумывая, не свернуться ли ему калачиком и не заснуть ли на полу рядом с кроватью, но Дуань Лин, как всегда, взял его за руку и использовал ее в качестве подушки. Он так расслабился после того, как перекинул весь свой багаж на У Ду, что, казалось, вот-вот заснет.

— Знаешь... — сказал Дуань Лин У Ду.

У Ду долго молчал. Если он ответит «слушаю», это прозвучит слишком формально, а «да?» покажется слишком бестактным. Он еще не определился со своим статусом — личный телохранитель наследного принца или чиновник, которому покойный император доверил своего осиротевшего сына?

— За весь прошедший год после смерти отца, — сказал Дуань Лин У Ду с улыбкой на лице, — я никогда не был так счастлив, как сегодня. Мне кажется, что я снова жив.

Когда Дуань Лин улыбнулся, это напомнило У Ду о первом дне, когда он спустился из своей секты в горах и прибыл в Цзянчжоу столько лет назад, одной ранней весной. Все цветы персика в Цзянчжоу трепетали на ветру, и этот ветер словно ждал его приезда — великолепный пейзаж казался занавесом, распахнувшимся ради него.

Улыбаясь, У Ду думал только о том, чтобы дать ему все самое лучшее, что есть в мире, но у него ничего не было.

— Моя... Моя рука ранена, — нервно произнес он наконец после долгих раздумий, — иначе я бы сыграл для тебя песню.

— Да, — ответил Дуань Лин. Он закрыл глаза и, положив голову на плечо У Ду, уснул. Перед тем, как погрузиться в сон, он произнес:

— Позже. У нас будет много времени. Я хочу спать. Так клонит в сон...

С улыбкой на лице Дуань Лин провалился в сон.

Сычуань, ночь.

— Ваше Высочество.

Чжэн Янь медленно подошел к нему.

— Завтра нам придется отправиться в путь. Тебе следует поскорее умыться и немного поспать.

Цай Янь сидел за своим столом и смотрел на стопку документов. Он бросил взгляд на Чжэн Яня и вежливо ответил:

— Чжэн Янь, ты можешь идти отдыхать.

— Все еще ждешь этого парня?

Чжэн Янь всегда бил его по больному месту, и у него совсем не было чувства такта. Иногда Цай Янь действительно хотел, чтобы У Ду отравил его.

— Кого жду? — улыбаясь, Цай Янь ответил вопросом на вопрос. — Я не жду никого конкретного, но кого ждешь ты, Чжэн Янь?

— О, ну, тогда выходит, что ты ждешь труп?

Цай Янь уже не мог даже улыбнуться: выражение его лица стало совершенно грозным. И тогда Чжэн Янь с улыбкой сказал ему:

— Я собираюсь навестить вашего дядю и выпить с ним. Не желает ли Ваше Высочество пойти со мной? Полагаю, труп в ближайшее время не объявится.

Цай Яню осталось только жестко ответить:

— Чжэн Янь, ты шутишь.

— Завтра будет объявлена всеобщая амнистия*, — Чжэн Янь покачал чашку в руке. — Я слышал, что на свободу выйдет целая куча ублюдков. Похоже, Ваше Высочество просто преисполнены благосклонности, а?

* Всеобщая амнистия звучит так, будто амнистируют всех заключенных, но на самом деле речь обычно идет о паре десятков человек. К тому же речь не всегда идет о полном освобождении. Приговоренные к смерти, например, могут быть отправлены в ссылку и так далее; кроме того, совершившие измену и т.д. не могут быть помилованы.

И снова Цай Янь словно застыл. Он сказал с напускной формальностью:

— Его преступления не настолько серьезны, чтобы заслуживать смерти, и сейчас самое время для привлечения новой крови. Если только ты не хочешь что-то рассказать о Фэне, Чжэн Янь?

Чжэн Янь с улыбкой оглядел Цай Яня с ног до головы.

— Ты не похож на своего отца.

Выражение лица Цай Яня мгновенно помрачнело, и он стал ужасно хмурым, как будто у него даже возникло желание убить Чжэн Яня.

Чжэн Янь беззаботно добавил:

— Жизнь так коротка. Нужно веселиться, пока есть возможность, так?

— Чжэн Янь, — голос Цай Яня дрожал, как будто он был преисполнен гневом, который едва мог сдерживать. — Иди отдохни. День жертвоприношения уже закончился. Не приходи ко мне снова. Я устал.

Но вместо того чтобы уйти, Чжэн Янь сел на ступеньки перед столом Цай Яня спиной к нему*. Он сказал, как бы бормоча про себя:

— Мир — это большой красильный чан; стоит сблизиться с определенным сортом людей, и станешь именно таким.

* Если вам интересно, это крайне невежливое поведение. Сидеть спиной к императору — преступление, за которое можно потерять голову; не понятно, какое наказание последует, если

встать спиной к наследному принцу. Чжэн Яню все сходит с рук, потому что он, по сути, единственный настоящий друг Ли Яньцю.

Цай Янь хмуро ответил:

— Что ты имеешь в виду, Чжэн Янь? Хочешь сказать, что я должен остерегаться Фэна?

— Конечно, планы Фэна зловредны, но это тайные, а не явные замыслы. Они никогда не доходили до такого уровня, чтобы пришлось из кожи вон лезть, чтобы быть начеку. Мне просто вдруг вспомнился покойный император.

— Все земные проявления неоднородны и наполнены множеством красок, любой человек окрашивается в цвет того положения, в котором он находится; кроме покойного императора, который всегда был собственного цвета, — сделав паузу, Чжэн Янь поднялся и улыбнулся Цай Яню. — Будь то черный или белый, покойный император с Чжэньшаньхэ в руках оставался непоколебим. Долго работая на него, ты мог так или иначе увидеть свою собственную истинную природу. Все остальные цвета исчезали, и оставался лишь лист белой бумаги. Это сродни возможности украдкой взглянуть на «волю небес». Я лишь надеюсь, что Ваше Высочество будет помнить об этом.

Цай Янь, к своему удивлению, на мгновение отвлекся. Чжэн Янь отвесил Цай Яню неглубокий поклон и, не проявляя никаких признаков прежней пьяной походки, подхватил концы халата и спокойно вышел из комнаты, оставив Цай Яня в задумчивости в дворцовом зале.

Подул осенний ветер, и сады усеялись опавшими листьями. Во дворце уже почти не осталось тех, кто готовился к завтрашнему путешествию.

Ли Яньцю сидел внутри, любуясь видом на сад, а мысли его блуждали. Императрица Му Цзиньчжи уже уехала со свитой Му. Окружающий его гигантский дворец был полон пустых залов и казался довольно мрачным. На его столе стояла уже остывшая чаша с лекарством.

По коридору мимо прошел Чжэн Янь, который выглядел так, будто до сих пор не проснулся. Он сел рядом с Ли Яньцю.

— Давай выпьем! — Чжэн Янь поднял свой кувшин с вином на Ли Яньцю. — Я выпью вино, а ты — лекарство*.

* Это не опечатка, Чжэн Янь просто постоянно обращается к императору на «я» и «ты» (он и к Цай Яню так обращается, чаще всего).

Ли Яньцю поднял свою чашку с лекарством и слегка ударил ею о кувшин Чжэн Яня.

— Ты только что прибыл из Восточного дворца? — спросил он.

— Дражайший мальчик Вашего Величества все еще в Восточном дворце, пишет меморандумы,
— Чжэн Янь откинулся на край низкой кушетки. — Судя по его виду, мне думается, что он похож на тебя, а не на покойного императора.

Семья Ли основала свою империю благодаря военной мощи, и этот дух передавался из поколения в поколение, поэтому они были не так уж строги в вопросах этикета. Ли Яньцю довольно непринужденно обращался со своими придворными, но Чжэн Янь — это нечто особенное: отношения между ними скорее напоминали отношения не императора и его подданного, а старых приятелей.

— У него не такой темперамент, как у моего брата, — Ли Яньцю вздохнул и покачал головой. — Но у него доброе сердце. Я уверен, что в этом он похож на мою невестку.

Чжэн Янь задумчиво смотрел на голубое небо за окном.

Ли Яньцю добавил:

— Я ненадолго уснул, и мне почему-то приснился сон о нем. Он не явился на годовщину своей смерти, но теперь пришел.

Чжэн Янь ничего не ответил. Он рассеянно сделал еще один глоток вина.

— Мне снилось, что я нахожусь на мосту. Наверное, противоположный берег уже не был земным миром, и все вокруг было залито лунным светом. Он сказал мне: «Мой сын вернулся домой, так что самое время перенести столицу. Прошел уже целый год».

Чжэн Янь до сих пор хранил молчание.

— Ваше Величество, возможно, вам стоит пересмотреть решение об объявлении всеобщей амнистии. Если выпустите Фэна на свободу, он может навлечь только беду. Восточный дворец действительно нуждается в людях, и, если бы покойный император все еще был рядом, я бы не стал так беспокоиться, но нынешний хозяин Восточного дворца — будущий повелитель империи. Ваше Величество...

— Всеобщая амнистия уже объявлена, — вздохнул Ли Яньцю. — Правитель не отступает от своего слова. Думаешь, можно взять свои слова обратно? Что касается Фэна, то именно Жун-эр просил о нем. Уверен, ты прекрасно понимаешь все плюсы и минусы такого поступка. Фэн много лет был командиром Теневой стражи, и, хотя он совершил преступление против моего отца, за которое его приговорили к смертной казни, он все так же предан Великой Чэнь, как и прежде.

Чжэн Янь покачал головой и вздохнул.

— Но ты совершенно прав. В Восточном дворце до сих пор нет ни одного слуги, и это неправильно. Прошло уже больше полугода с тех пор, как Жун-эр вернулся, но, поскольку за ним присматривал Улохоу Му, а при дворе было столько забот, что это вылетело у меня из головы. Как только мы переедем, нужно будет найти для этого время.

— Прости за прямоту, но, — Чжэн Янь отпил и небрежно произнес, — в нынешнем Восточном дворце всегда кажется, что чего-то не хватает.

— Ему не хватает духа. У Жун-эра огромный потенциал, и, сидя на этом посту, он знает, что должен делать. Когда дело доходит до чтения и составления аннотаций к меморандумам от моего имени и рассмотрения вопросов, касающихся благополучия простых людей, он проделывает достойную восхищения работу. Но он еще не понял одной вещи — это поместье его семьи, но он не позволяет себе расслабленно работать здесь.

— Или, другими словами... — Ли Яньцю поднял чашку с лекарством, и его взгляд остановился на собственных чертах в темном отваре, словно из отражения за ним наблюдало еще одно знакомое лицо. — Он еще не начал воспринимать себя как представителя рода Ли. Когда он решает государственные дела и управляет императорским двором, он все еще делает это, чтобы помочь мне, но не ради себя.

— Однако демонстрировать свой талант и казаться слишком щепетильным — все-таки не очень хорошо, — Ли Яньцю одним глотком запил лекарство, такое горькое, что он нахмурился. — Чжэн Янь, помоги мне сделать это для него. Наследному принцу все еще нужны помощники, например, партнер по учебе. Просто найми их под предлогом поиска прислуги.

По коридору раздались торопливые шаги.

— Наследный принц желает получить аудиенцию, — объявил стражник во внешней комнате.

Ли Яньцю поднял бровь. И он, и Чжэн Янь обратили внимание на коридор. Из-за угла появился Цай Янь с широкой улыбкой на лице.

Он сначала поклонился, а затем за его спиной появился еще один человек — не кто иной, как одетый в дорожную одежду Лан Цзюнься.

— Улохоу Му? — Ли Яньцю нахмурился. — Ты ушел, не попрощавшись, а я еще даже не наказал тебя за самовольное оставление поста. Куда же ты пропал?

— Дядя, — Цай Янь подошел к нему и сел. — Сначала посмотри, что он принес с собой.

Лан Цзюнься взглянул на Чжэн Яня. Они никогда раньше не встречались, но репутация другого опережала его.

— Вот, прошу вас, — сказал Лан Цзюнься.

Чжэн Янь одарил его улыбкой до ушей.

— Да.

Лан Цзюнься отвязал меч от спины и обеими руками положил его на стол. На ножнах меча был выгравирован портрет Махастхамапрапты*, сидящего на спине тигра и уничтожающего демонов; рукоять клинка была вырезана из гигантской раковины моллюска и инкрустирована светящейся, мерцающей шарирой.

* Махастхамапрапта - достигший великой силы (阿耨多羅三藐三菩提), в буддизме бодхисаттва (вид небесных существ, достигших просветления, но продолжающих рождаться в сансаре, помогая освобождаться другим, а также особая категория монахов и даже людей, ими не являющихся, давших обет достичь просветления из сострадания к другим существам), почитаемый в различных направлениях махаяны (одна из ветвей буддизма). Упоминается в «Шурангама-сутре», «Лотосовой сутре», «Амитаюрдхьяна-сутре» и др.

— К счастью, я не провалил свою миссию, — ответил Лан Цзюнься, после чего вышел из комнаты и встал за дверь в ожидании дальнейших распоряжений.

Ли Яньцю опустил руку на рукоять и вынул меч из ножен, издавая низкий гул. Лезвие было ровным, испещренным кровью, а на металле было вырезано имя: Дуаньчэньюань.

Утро радовало ярким солнцем и легким ветерком; на горных террасах по другую сторону дороги крестьяне собирали осенний урожай.

Стоя у постоянного двора на берегу реки, Дуань Лин зевнул, потягиваясь, и попросил у слуги ведро, чтобы набрать воды. Зачерпнув воды, он вскипятил ее, чтобы заварить чай для У Ду и сменить повязки.

Это была самая спокойная ночь, которую он пережил за год, но У Ду все время ворочался и не заснул до самого рассвета. Вскоре после того, как он задремал, шум, поднятый Дуань Лином во время кипячения воды, заставил его в одно мгновение превратиться из полумертвого человека в человека потрясенно сидящего прямо. В полном изнеможении он провел рукой по лбу, а в голове бурлило раздражение.

— Сколько времени?

Как только эти слова вылетели из его уст, он понял, насколько неправильно они звучат — что за подданный спрашивает у наследного принца, который час? Ему следовало бы встать раньше, чтобы обслужить его, но Дуань Лин уже кипятил воду, так что что еще ему оставалось делать?

— Уже рассвет. Ты в порядке? Нехорошо себя чувствуешь?

Глаза У Ду покраснели, и он некоторое время пристально смотрел на Дуань Лина.

— С этого момента просто оставь мне работу по дому. Даже если я не буду... не буду относиться к тебе как к наследному принцу, я все равно должен заботиться о тебе. Я думал об этом с того дня, как мы покинули Тунгуань. К тому же, за то время, что ты со мной, ты едва ли смог прожить безбедно хотя бы пару дней...

Дуань Лин знал, что У Ду уже все понял.

— Это не имеет значения. Если бы ты не знал, что Цай Янь — самозванец, будучи его сопровождающим в поездке, ты бы тоже сказал ему об этом?

— Конечно, нет. Но ты не такой, как он.

Он вывалил на У Ду вчера целую кучу слов, и Дуань Лину стало немного стыдно, когда он подумал об этом. Улыбаясь, он произнес:

— А если бы... тот, кого вернул Улохоу Му, был мной, и мы встретились при других обстоятельствах, будучи людьми в разных положениях, ты бы тоже так себя чувствовал?

У Ду никогда не задумывался о подобном, но теперь, когда Дуань Лин упомянул об этом, его голова стала еще больше похожа на спутанный клубок льна. Если Дуань Лин не будет тем Ван Шанем, которого он знает сейчас, и им придется провести время наедине друг с другом, то, зная себя и свою замкнутость, он точно не станет отдавать ему свои сердце и душу. Максимум, что он сделает, это пожалеет его и станет уделять больше внимания — разумеется, лишь под тем предлогом, что наследный принц относится к нему искренне.

Он действительно задумался об этом на некоторое время, после чего У Ду осталось только уступить:

— Хорошо, — сказал он.

Окончательно успокоившись, он встретил взгляд Дуань Лина, и они оба улыбнулись.

— Всю ночь я думал о твоей ситуации, — произнес У Ду.

Дуань Лин развязал бинты на его руке и снова нанес мазь. Не поднимая головы, он утвердительно хмыкнул.

— Есть один человек... Я могу отвести тебя к нему. Его зовут Се Ю, и пока он уверен, что ты тот, кто ты есть, он будет защищать тебя даже ценой собственной жизни.

— Я знаю о нем. Он предан законному императору, не так ли? Но законный император сейчас — мой четвертый дядя.

Брови У Ду слегка сошлись, и он замолчал.

— Если дядя признает меня, Цай Янь не будет представлять никакой угрозы.

У Ду кивнул.

— Есть еще одна проблема. Тебе все еще слишком опасно показываться. У меня всегда было подозрение, что канцлер Му собирается что-то сделать с этим самозванцем и Его Величеством — речь идет о яде, над которым я раньше работал. Он так и не сказал мне, для кого он нужен. Возможно, он предназначен именно для самозванца.

Дуань Лин закончил перевязывать У Ду, и тот попытался спуститься, а Дуань Лин помог ему надеть сапоги. У Ду следил за каждым его движением, а Дуань Лин прислуживал ему, как будто это было само собой разумеющимся, затем он положил одну из рук У Ду себе на плечо, чтобы поддерживать его, пока он выходит на улицу.

Осеннее небо было ясным и ярким, а равнинный воздух был свеж и чист. Дуань Лин умыл лицо, присел у реки и сказал У Ду:

— В худшем случае дядя не поверит, что я тот, кто я есть, и посадит меня под замок. А у нас нет никаких доказательств... Тогда нам точно конец.

— Это правда.

Теперь, когда У Ду задумался об этом, он понял, что это очень рискованно. Слишком многое зависит от удачи.

— В лучшем случае дядя признает меня и убьет и Улохоу Му, и Цай Яня. Но что потом?

Тогда ему придется столкнуться с жестоким вихрем власти внутри императорского двора — Му Куанда, скорее всего, использует все возможные средства, чтобы отравить его. Конечно, если рядом будет У Ду, ему не придется беспокоиться о том, что кто-то попытается его отравить, но чего же все-таки добивается Му Куанда?

— И еще, — с серьезным видом сказал У Ду, — я скажу тебе одну вещь. Но ты не должен проболтаться перед Му Куандой, что знаешь об этом, иначе кое-кто захочет убить нас обоих...

Айя, впрочем, думаю, это не имеет значения.

Дуань Лин молча уставился на него, немного шокированный.

— Но если это действительно вскрыется, они придут убить тебя. Тогда все, что мы сможем сделать, — это рискнуть, попытаться вырваться и отравить их всех.

— Хм... Пожалуйста, сначала скажи, о чем идет речь.

— Я услышал об этом случайно.

Поразмыслив, У Ду все же решил, что место, где они находятся, недостаточно безопасно, и, заметив на берегу реки лодку, произнес:

— Давай, отплывем на середину озера.

Дуань Лин не знал, как управлять лодкой, но он согласился с У Ду. Тот изо всех сил старался стоять прямо и, взяв шест, толкнул его конец о берег реки. Лодка, словно стрела, полетела к середине озера, пока медленно не остановилась.

Здесь больше никого нет. У Ду сел и подозвал Дуань Лина поближе. Он приобнял Дуань Лина, и они оба сели на нос.

— Той ночью, — сказал У Ду, — я искал кое-что в поместье канцлера.

— Что именно?

У Ду отогнул воротник Дуань Лина, обнажив Сияющие доспехи, и посмотрел ему в глаза. Дуань Лин кивнул.

После смерти Хэлань Цзе У Ду снял доспехи и несколько дней вымачивал их в целебном растворе, а затем разрешил Дуань Лину надеть их только после того, как убедился, что они тщательно очищены. Он также велел ему впредь не снимать их и не сказал, нужно ли их возвращать. И теперь, когда он знал, что Дуань Лин — наследный принц, он действительно никогда не потребует их отдать.

— Я спрятался на перекладине крыши в кабинете и случайно подслушал половину разговора между Чан Пином и Му Куандой. Он показался мне крайне странным. Чан Пин сказал: «Когда покажется выпуклость, все должно быть точно рассчитано. В этом деле нельзя допускать ошибок».

У Дуань Лина сразу возникло множество вопросов.

— Когда покажется выпуклость? — пробормотал Дуань Лин. — Это связано с беременностью? Чьей беременностью?

— Канцлер Му лишь одобрительно хмыкнул, после чего они перешли к другой теме. Вот почему я заподозрил, что Чан Пин говорил об императрице. Если Му Цзиньчжи родит принца для Его Величества, канцлер Му, естественно, станет императорским дядей. И как только Его Величество... он сможет по праву управлять страной как регент.

— Однако теперь, после возвращения наследного принца ко двору, — продолжил У Ду, — канцлер Му не может так просто отказаться от этого плана. Его враг — наследный принц. Кто бы ни занял это место, он будет в опасности.

Если это так, то прежние действия Му Куанды против Ли Цзяньхуна становятся вполне объяснимыми, ведь будущий сын Ли Яньцю — его племянник. Возвращение Лан Цзюнься с Цай Янем нарушило весь его план. Но, зная, насколько находчив Му Куанда, Дуань Лин чувствовал, что все не может быть так просто.

— Но о чем они говорили до этого? — спросил Дуань Лин. — Это его сестра, а не жена. Неужели он думает, что каким-то образом ее можно повысить в должности, и Великая Чэнь перейдет из рук Ли в руки Му?

Когда он смотрел на речную воду, в голове Дуань Лина возникла шокирующая мысль.

Если это действительно так, то, по мнению Дуань Лина, ему удалось разгадать заговор, в котором участвовал Му Куанда. А для семьи Му это смертельно опасно. Открыв ему эту новость, У Ду, по сути, помог ему вернуть преимущество на поле боя.

Дуань Лин провел остаток дня, ломая голову над этой проблемой, а У Ду был настолько измотан, что начал дремать, как только сел в карету. Потрясение, которое охватило его вначале, прошло, и к тому времени, когда он снова проснулся, все было как прежде.

Только что очнувшись, У Ду ошарашенно смотрел на Дуань Лина, а Дуань Лин, который больше не мучился сомнениями по поводу своей личности и положения, попросил его посмотреть на улицу сквозь тени в карете. По дороге в Цзянчжоу вдоль реки Минь открывались великолепные виды, часто сменяющиеся целыми ли красных кленовых листьев.

Они добрались до гавани реки Сицзян, и их карету перегрузили на корабль, где по течению они преодолели остаток пути.

В это время года местные гуси улетают на юг, и дурное настроение Дуань Лина, в котором он пребывал полгода назад, проезжая мимо Цзянчжоу, постепенно улетучилось, не оставив и

малейшего следа. По пути У Ду тоже постепенно пришел к выводу.

— Мы не можем отправиться к твоему четвертому дяде без тщательного плана. — сказал У Ду Дуань Лину. — Провал повлечет за собой слишком серьезные последствия.

Дуань Лин кивнул: он сидел в темноте, а Цай Янь — под лучами солнца. Ситуация могла показаться опасной, но после того, как он прибрал к рукам У Ду, он все равно, что сорвал куш — теперь у него был шанс рискнуть.

Будущее все еще оставалось неясным и туманным, но пока он мог сделать хотя бы что-то.

У Ду сказал:

— Мы продолжим скрываться в поместье канцлера, и пока будем тщательно обдумывать каждый свой шаг, Улохоу Му не сможет ничего с тобой сделать, да и не посмеет опрометчиво прийти и убить тебя. Как видишь, он не предпринимал попыток убить тебя с той ночи, когда понял, что ты еще жив.

Ничто не волновало Дуань Лина больше, чем Лан Цзюнься; он гадал, вернулся ли он в столицу, а если вернулся, то рассказал ли о нем Цай Яню. Если да, то у Дуань Лина будут большие проблемы.

— Почему так? — спросил Дуань Лин.

— Он боится привлечь внимание канцлера Му. Зачем ему вообще понадобилось бы убивать слугу в поместье канцлера, да еще и без веской причины? Му Куанда не так уж прост. Он обязательно докопается до истины.

Даже если Цай Янь узнает, что Дуань Лин с У Ду, он не посмеет послать Лан Цзюнься, чтобы убить его. В противном случае, если он потерпит неудачу, Му Куанда, как и Ли Яньцю, начнут что-то подозревать. Ведь наследному принцу незачем убивать того, с кем у него нет вражды.

Если только Цай Янь и Лан Цзюнься не будут совершенно уверены, что смогут заставить его полностью исчезнуть, они никогда не сделают поспешного шага.

Впереди едва виднелись зеленые холмы, а за ними, словно нефрит, переливалась река; осень в Цзяннани почти подошла к концу, и деревья потеряли всю свою листву*.

* Похоже на строку из стихотворения Ду Му. Почти. Но в этом стихотворении травы еще зеленые. Название — «□□□□□□□□», если захотите поискать.

Цзянчжоу всегда считался самым величественным городом центральных равнин, и с древних времен его называли последним пристанищем императоров, наполненным благодатной императорской аурой. На протяжении многих династий и поколений, когда в империю вторгались чужеземные войска, трон всегда выбирал именно это место для переноса столицы. Это также центр, соединяющий Сычуань и Цзяннань. Прислонившись к горе Юйхэн и упираясь в неутомимую Янцзы, город славился богатыми природными ресурсами.

В прошлый раз Дуань Лин проехал мимо ворот Цзянчжоу, так и не войдя внутрь, и вот теперь он наконец-то увидит место, о котором ему рассказывал отец. Он слышал, что весной Цзянчжоу расцветает персиковыми цветами, летом наполняется нефритово-зеленым звоном цикад, осенью утопает в кленовых листьях, а зимой покрывается ярко-белым снегом. Это поистине, как на картине, прекрасное зрелище, — самый великолепный вид, который только можно найти на земле.

Когда корабль зашел в гавань, раздался колокольный звон — сейчас как раз было время переноса столицы Великой Чэнь, и на пирсе повсюду были разложены коробки с вещами.

Дуань Лин помог У Ду сойти с корабля и снова забраться в карету. Он отдернул занавеску и с любопытством выглянул на улицу.

Перед ними возвышался впечатляющий город. С древности Цзянчжоу никогда не страдал от войн, и за тысячу лет непрерывного постепенного строительства здесь накопилось пятьсот тысяч семей, сто ли городских стен и улицы длиной в десять ли, настолько плотно набитые людьми, как туго сотканые гобелены.

— Эй, У Ду! — подтолкнул его Дуань Лин. — Это место гораздо изобильнее Сычуани. Почему же мой дедушка так и не захотел перенести сюда столицу?

— Из-за Чжао Куя. Се Ю и Чжао Куй всегда были заклятыми врагами. Покойный император как-то сказал, что, пойдя на компромисс и сделав по шагу назад, Се Ю и Чжао Куй спасли миллион человек от насильственной смерти.

Дуань Лин понимал, что борьба за военную мощь затрагивает гораздо больше людей, чем борьба за политическую власть, и последствия ее гораздо более катастрофичны. Се Ю и Чжао Куй контролировали ведущие подразделения армии, и в конце концов его деду пришлось принять во внимание благосостояние простых людей и перенести столицу в Сычуань, чтобы предотвратить внутренние распри между этими двумя высокопоставленными генералами Великой Чэнь, которые принесли бы гораздо больше вреда, чем пользы.

Их кучер никогда раньше не бывал в Цзянчжоу, и он сбился с пути раньше, чем они успели это понять. Цзянчжоу отличался от Сычуани тем, что был разделен на внутренний и внешний города: в центре города раньше находилось местное правительство, а теперь там расположился запретный дворец, а внешний город был построен в виде кольца, расходящегося от центра города. В крайнем кольце было сто восемь кварталов с тысячей домов в каждом; продвинувшись на одно кольцо вглубь, вы увидите магазины, торговцев и склады,

расположенные на длинной улице, опоясывающей весь город. А если пройти еще дальше вглубь, то через ворота можно попасть в смешанную зону со школами, ресторанами и другими жилыми домами — всего девяносто шесть кварталов. Подобно десяти небесным стволам и двенадцати земным ветвям, это кольцо находилось внутри другого кольца, которое слой за слоем повторяло грандиозный геомантический компас, а Янцзы текла по полукругу за пределами компаса, соединяя шесть гаваней.

Все эти круги и повороты немного дезориентировали даже У Ду, и Дуань Лин спросил:

— Разве ты не был здесь раньше?

— А, я забыл. В первый раз, когда я приехал, то заблудился и долго блуждал по городу. В итоге Чжэн Янь забрал меня с собой во дворец.

— А Бэнь Сяо знает дорогу? Может, нам стоит последовать за ним?

Бэнь Сяо хорошо знал город, он свернул в переулок и направил карету следом, а затем прошел по переулку и вышел на широкий бульвар.

Дуань Лин привык к квадратным кварталам Шанцзина и Сычуани, а в таком месте, как Цзянчжоу, он даже не мог понять, в какой стороне север. К тому времени, как он понял, где они находятся, Бэнь Сяо уже остановился у дворца, нетерпеливо ожидая, пока карета проедет дальше.

И в этот момент по главной улице спустились стражники, звоня в гонги, чтобы освободить дорогу, а навстречу им ехала сверкающая карета. К ним направился воин в черных доспехах на высоком коне и произнес:

— Кто там преграждает путь?!

Дуань Лин ответил:

— О нет, кто в этой карете?

— Я позабочусь об этом. Не выходи. Не волнуйся.

— Это У Ду? — вдалеке раздался голос Цай Яня, который вышел из кареты, чтобы лично поприветствовать его. — Наконец-то ты здесь!

Цай Янь не узнал карету, но узнал Бэнь Сяо.

Сквозь небольшую щель в шторке Дуань Лин разглядывал караван карет, растянувшийся по всей улице. Он сразу же понимал, что этим двоим просто несказанно повезло — им удалось встретиться с наследным принцем и императором в тот же день, как они приехали в город!

За каретой наследного принца стояла менее украшенная, более простая на вид карета с восемью лошадьми, запряженными в нее. Судя по убранству, это, должно быть, был его дядя, нынешний император Ли Яньцю!

Цай Янь сошел с кареты, и У Ду начал идти к нему, опираясь на трость. Но Цай Янь подошел сам, протянул руку, чтобы сказать У Ду, что ему не стоит передвигаться, и, стоя у кареты, справился о его здоровье.

— Как ты получил такую тяжелую травму? — спросил Цай Янь.

— Я был недостаточно умен, — невозмутимо ответил У Ду. — Недооценил противника. Ничего страшного. Несколько месяцев покоя, и я буду как новенький.

Как только он это произнес, все вокруг затихли. Се Ю изучал У Ду, как будто никогда его раньше не видел.

Цай Янь ответил:

— Я пришлю врача, чтобы он осмотрел тебя. Большое спасибо за труд, правда.

— Я выражу свое почтение Его Величеству, как только оправлюсь от ран.

И тут он, подняв кулак в поклоне, обратился к Цай Яню:

— Поздравляю с успешным переездом в Цзянчжоу, Ваше Высочество. Это величественное место, его благоприятные условия принесут мир и процветание всем под небесами.

Цай Янь одарил его многозначительной улыбкой.

— Я слышал, что с тобой в Тунгуань отправился еще кое-кто...

Внутри кареты сердце Дуань Лина учащенно забилося, но снаружи У Ду ответил:

— Ван Шань не вернулся со мной. Он все еще в Тунгуань. Уверен, что через несколько дней он тоже отправится в путь.

— Отлично. Замечательно. Когда он вернется, мы все должны встретиться.

Дуань Лин не видел Цай Яня из окна, и, чувствуя, что его эмоции завязываются в сложный узел, приподнял занавеску, чтобы издали посмотреть на императорскую карету.

И в этот момент Се Ю открыл шторку императорской кареты, и вперед вышел Ли Яньцю.

— Я как раз хотел спросить, куда подевался Бэнь Сяо. — без особых эмоций произнес Ли Яньцю. — Теперь я вижу, что его с собой забрал У Ду.

В этот самый момент Дуань Лин почувствовал, как по позвоночнику пробегает молния, словно он только что увидел того, о ком мечтал день и ночь. Его глаза, брови, губы, даже манера поведения были очень похожи на отцовские.

Странное чувство принадлежности, казалось, всегда струилось в его жилах, совсем не похожее на то, которое он испытывал, когда отец стоял у него за спиной, работая в саду в Шанцзине. Стоило ему взглянуть на дядю, как Ли Цзяньхун словно снова ожил.

— Ваше Величество! — У Ду отдал честь.

— Полагаю, все в порядке, — произнес Ли Яньцю без лишних слов. — Раз уж ты забрал лошадь семьи Ли, то почему бы тебе не пожить в Восточном дворце в качестве гостя. Похоже, ты призван служить Жун-эру.

Ли Яньцю сделал несколько шагов вперед, ожидая ответа У Ду, но, к всеобщему удивлению, тот не ответил ему. Он не поблагодарил Его Величество за милость и даже не кивнул.

Выражение лица Цай Яня сразу же помрачнело. Ситуация стала ужасно неловкой.

В конце концов, именно Се Ю напомнил ему.

— У Ду, ты слышал?

У Ду совершенно спокойно ответил:

— Слышал.

К счастью, Цай Янь умел подстраиваться под ситуацию и сказал Ли Яньцю:

— Дядя, давай подождем, пока он оправится от травм.

— Ну, как скажешь... но мы давно не виделись.

— Спасибо за заботу, Ваше Величество...

Но, к их удивлению, эти слова предназначались не У Ду, а Бэнь Сяо. Бэнь Сяо повернул голову и, увидев Ли Яньцю, медленно подошел к нему. Ли Яньцю положил руки на седло и закинул ногу, чтобы забраться на его спину. Повернув голову, он сказал Се Ю:

— Я поеду во дворец.

Ли Яньцю, сидя на коне, потянулся к Цай Яню, пытаясь затащить его на спину Бэнь Сяо, но тот не обратил на него внимания и повернул голову. Несколько раз перестукивая копытами, он медленно подвел его к карете Дуань Лина.

Тот все еще смотрел в окно, и тут же, безо всякого предупреждения, Бэнь Сяо отвел Ли Яньцю в сторону кареты, где он стоял за занавеской.

О нет! Выражение лица У Ду мгновенно помрачнело. Дуань Лин и представить себе не мог, что Ли Яньцю нечаянно оглянется и встретится взглядом с Дуань Лином сквозь щель бамбуковой занавески.

Они смотрели друг на друга сквозь штору, и Дуань Лин тут же отвернулся, чтобы не встречаться с Ли Яньцю взглядом. Его сердце словно сильно сжалось.

Похоже, Ли Яньцю что-то почувствовал и еще мгновение молча стоял возле кареты, а затем произнес:

— Бэнь Сяо, теперь, раз у тебя новый хозяин, ты не будешь слушаться?

Бэнь Сяо фыркнул, и Ли Яньцю встряхнул поводьями.

— Пошел!

Бэнь Сяо взвился на дыбы, и только через мгновение развернулся и с недовольным видом медленно поскакал галопом по аллее. И Се Ю, и Цай Янь начали улыбаться.

— Во дворец! — сказал Ли Яньцю ясным, светлым голосом. А затем он снова обратился к У Ду.

— Одолжи мне коня на пару дней. Скоро я его верну. Судя по травмам, ты все равно не сможешь ездить верхом.

У Ду кивнул.

Се Ю пошутил:

— Ты ведь не пострадал из-за того, что эта свирепая лошадка сбросила тебя с себя?

Все разразились громким хохотом, даже Ли Яньцю. Цай Янь обратился к У Ду:

— Отдыхай и поправляйся.

Ли Яньцю подстегнул коня, и Бэнь Сяо пустился в галоп. Подул легкий ветерок, наполнив воздух ароматом кленовых листьев. Ли Яньцю направлял коня прямо к императорскому городу, а его ярко-желтый плащ развевался на ветру под небом, усыпанным кроваво-красными кленами.

У Ду смотрел в спину Ли Яньцю, пока тот не скрылся из виду, а затем повернулся, чтобы сесть в карету.

— Прости меня, — сказал Дуань Лин У Ду.

У Ду погрузился в свои мысли и, услышав это, растерянно спросил:

— За что?

Дуань Лин считал, что и Се Ю, и Ли Яньцю совершенно не уважали У Ду, издевались и высмеивали его, и Дуань Лину, слушая их, стало совсем грустно. К тому же У Ду так сильно страдал только из-за него. Если уж на то пошло, Ли в долгу перед ним.

Когда У Ду понял, что он имел в виду, ему вдруг стало очень смешно. Он покачал головой.

— Это вовсе не важно.

Дуань Лин никогда не ожидал, что У Ду станет таким снисходительным — раньше даже приступы сарказма Чан Люцзюня приводили его в ярость, от чего он злился часами, а теперь он выглядел так, будто не обращал на это никакого внимания.

У Ду облокотился на оконную раму и задержал взгляд на желтых листьях, разбросанных по улицам. Дуань Лин придвинулся, опираясь на его плечо, и У Ду обернулся.

— Его Величество же не увидел тебя?

Дуань Лин покачал головой, вспоминая тот краткий миг. Их взгляды встретились, но сразу же разошлись. Это было не более чем мгновение, и между ними была занавеска, так что Ли Яньцю

не должен был его узнать.

— Какой он? — спросил Дуань Лин.

— У него слабое здоровье и он часто болеет. У тех, кто все время болеет, в какой-то степени скверный характер.

□Конец второй книги: Ешьте, пейте и веселитесь□

<http://bllate.org/book/15657/1400654>